

ЖО В Ы И М И Р

6

1979

6

ЖО В Ы И
М И Р

1979

НОВЫЙ МИР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1925 г.

№ 6

Июнь, 1979 г.

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
МИКЛАЙ КАЗАКОВ — Мое слово, стихи. Перевел с марийского А. Смольников	3
Р. КИРЕЕВ — Победитель, роман	5
ПЕТР ВЕГИН — Время — пламя, стихи	35
НАТАЛЬЯ СИДОРИНА — Три стихотворения	38
ВЛ. ЛИДИН — Страницы полдня	40
ВЛАДИМИР МОЩЕНКО — Из лирической тетради, стихи	68
ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ — Тайна Гоголя, стихи	70
НИКОЛАЙ ЗАДОРНОВ — Хэда, роман. Окончание	73
ТАТЬЯНА АНДРОНОВА — Возвращение, стихи	182
М. БАСМАНОВ — Закат, стихи	187
ВЛАДИМИР ШЛЕНСКИЙ — Рисуйте, дети, на асфальте! Отрывок из «Сегодняшней поэмы»	188
НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ	
РАВИЛЬ БУХАРАЕВ — Метафоры КамАЗа, стихотворение	189
ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ	
ВЛАДИМИР УСПЕНСКИЙ — Морские ворота БАМа	190
НА ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕМЫ	
ВСЕВОЛОД ОВЧИННИКОВ — Корни дуба. Впечатления и размышления об Англии и англичанах. Окончание	212
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
В. НЕПОМНЯЩИЙ — Предназначение	236

(См. на обороте)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР»

Москва

СОДЕРЖАНИЕ (окончание)

	Стр.
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ	
<i>Литература и искусство</i>	
Дм. Иванов. Устремленность критической мысли. — Ю. Смелков. Три путешествия Леннарта Мери. — Ирина Шевелева. Возмужание. — В. Тендряков. Возвращение поэта.	254
<i>Политика и наука</i>	
Ю. Каграманов. Между валгаллой и пригородным поездом. — Эрнст Генри. Техника «промыывания мозгов». — И. Луначарская. Хирург о детях.	264
КОРОТКО О КНИГАХ: Б. Ряховский. — Н. Самвелян. Московии таинственный посол. Роман. Н. Самвелян. Казачий разъезд. Роман. ♦ Юрий Щеглов. — В. Золотухин. На Исток-речушку, к детству моему. Повесть. ♦ Людмила Зак. — Н. И. Дикушина. Октябрь и новые пути литературы. ♦ А. Майкапар. — Л. Бернштейн. Музыка — всем. ♦ Н. Макарова. — Эм. Миндлин. Не дом, но мир. Повесть об Александре Коллонтай. ♦ Иг. Бубнов. — Александр Левиков. Люди дела. ♦ Р. Баландин. — Т. И. Алексеева. Географическая среда и биология человека. ♦ Ю. Михайлов. — США — Западная Европа: партнерство и соперничество	280
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ	287

ТЕХНИКА «ПРОМЫВАНИЯ МОЗГОВ»

М. Степанов. «Синао» — «промывание мозгов». М. «Молодая гвардия». 1977. 143 стр.

Когда будущие историки станут изучать особенности нашей эпохи; они несомненно установят, что из способа обычного воздействия на умы людей, применявшегося в течение столетий, пропаганда в руках антидемократических сил превращалась в систему психического террора, жертвами которого становились миллионы людей. Я думаю, что названы будут прежде всего два конкретных примера такой практики, имевшей место в нашем веке: система Геббельса в 20-х, 30-х и 40-х годах и система Мао Цзэдуна в 50-х, 60-х и 70-х годах. Характерно, что, хотя политически речь идет о разных силах и направлениях — крайне правых и крайне «левых», — патологическая форма их пропаганды во многом сходна.

Фашист Геббельс создал, как известно, целое учение об «искусстве пропаганды». Американский профессор Дооб, автор «тематической теории психологической войны», потративший на изучение высказываний и дневников Геббельса несколько лет, открыл 19 «главных принципов», применявшихся в нацистской пропаганде. Каждый из них мог считаться примером прямого, но довольно изощренного издевательства над человеком, служащим ее объектом. Пропаганде предписывалось строиться прежде всего на фальсификации, лжи и клевете. В то же время на запугивании и блефе, порождающем у людей страх, ненависть и возбуждение. На читающего или слушающего ее человека смотрели как на полудиота, труса и невежду, как на безвольное и беспринципное существо.

Такова была суть учения Геббельса, учения, безусловно сыгравшего свою роль в истории германского фашизма. Это был первый крупный эксперимент с техникой «промывания мозгов». Уже в 30-х годах подтвердилось, что гитлеровцам действительно удалось затемнить сознание миллионов людей из среды немецкой мелкой буржуазии и молодежи, обмануть немалую часть нации. Нельзя забывать, что на выборах в рейхстаг в марте 1933 года нацисты собрали 17,2 миллиона голосов против 12 миллионов, полученных социал-демократами и коммунистами. Оказалось, что бюргерам и их сынкам отравляли ум не без успеха. Несомненно и то, что геб-

бельсовский гипноз продолжал владеть умами этих людей почти до конца войны, когда наконец сама история развеяла в прах всю фашистскую пропаганду.

Стоит отметить, что несколько позже, в годы «холодной войны», некоторые американские пропагандисты вспомнили о геббельсовской технике «промывания мозгов». Называя Геббельса мастером своего дела и подчеркивая значение его «духовного наследия», тот же профессор Дооб писал: «Вопрос о том, нужно ли в демократическом обществе (то есть на Западе.— Э. Г.) использовать части этого наследия,— глубокий и волнующий вопрос политического и этического характера». Видимо, автор «тематической теории психологической войны» склонялся к тому, что ответ на такой вопрос вопреки всем «этическим» соображениям должен быть положительным. Судя по всему, так в какой-то мере и сегодня считают некоторые асы зарубежной пропаганды в США и других государствах Запады.

Геббельса нет на свете уже тридцать четыре года. Неофашисты в разных странах заново пытаются применить его теорию без каких-либо «демократических» примесей, но большая неофашистская партия существует только в Италии. Люди в Европе и Америке за истекшие десятилетия чему-то научились. Но зато во второй половине века в мире появилась школа «промывания мозгов», оставившая далеко за собой школу Геббельса. Назвать ее можно школой Мао Цзэдуна. Ее методы и раскрывает М. Степанов в своей книге «„Синао“ — „промывание мозгов“». Нет сомнения, что и эта школа сыграла свою роль в современной политике.

Описывать, как «промывались мозги» в Китае при Мао, не так просто. Техника этого дела охватывала всю жизнь человека с утра до ночи и с детского возраста до смерти. По сравнению с маоистским экспериментом нацистский опыт кажется примитивным. Речь в Китае шла уже не только о том, как похитрее лгать и обманывать, но прежде всего о том, как выматывать самого человека, доводить его до изнеможения, делать его неспособным ни к какому сопротивлению. Делалось это путем своеобразного сочетания физическо-

го и психологического террора. В книге об этом собран большой фактический материал.

О терроре в прямом, физическом смысле слова многое известно уже давно, и М. Степанов добавляет только некоторые подробности. Он рассказывает, например, что происходило с образованной китайской молодежью, не принадлежавшей к хунвэйбинам. По официальным маоистским данным, только с декабря 1964 года из китайских городов в деревни было выслаано значительно больше 14 миллионов человек из этой среды. По данным зарубежных наблюдателей, речь в действительности идет о 25—30 миллионах. В конце 1974 года пекинское радио с удовлетворением сообщило, что 90 процентов образованной молодежи столицы и пригородов были выдворены оттуда.

Известно и то, что происходило в деревнях, куда людей ссылали. Их заставляли работать на полях по 16 и более часов в сутки. При этом им выписывалось так мало трудодней, что сплошь и рядом они оказывались не в состоянии расплатиться за свое питание. Заболевшим не полагалось никакой медицинской помощи. Все было вполне сознательно направлено на физическое истребление тех, кто не поддавался, и на запугивание тех, кто еще медлил. Одни умирали от истощения, другие кончали с собой, третьи, осмеливавшиеся возражать, попадали в тюрьму, но кое-кто приспособлялся, существуя после этого с «промытым мозгом».

С той же целью практиковались так называемые митинги борьбы. На показ выводили какого-либо человека, ставшего жертвой неосторожно сказанного слова, навета негодяя, интуитивного подозрения того или иного «активиста» или просто в результате того же стремления властей устрашить на его примере других. Вот как описывает один из таких митингов очевидец: «Человека окружают презрительные, ненавидящие лица, ему кричат в уши, в него плюют, перед ним угрожающе трясут кулаками, и все, что он говорит, считается ложью. К концу дня его ведут в комнату, запирают, дают немного пищи и обещают, что на следующий день будет еще хуже... За закрытым в комнате человеком постоянно наблюдает один из участников «борьбы». Если человек... заснет, стражник разбудит его, дергая за волосы. Через три-четыре дня жертва начинает выдумывать

грехи, которых никогда не совершала, надеясь на то, что чудовищное признание даст ей передышку. Через неделю «борьбы» она готова на все». Чтобы унижить человека, его при этом заставляют отвечать на любые вопросы вплоть до самых интимных. Это называется «снятием штанов на публике». Его родных вынуждают клеветать на него, обливать его грязью. При отказе их самих могут вывести на показ.

Все это преподносилось как «идеологическое перевоспитание». Ханькоуская газета «Чанцзян жибао» впоследствии писала по этому поводу: «Нет числа образованным людям, которые предпочли умереть, выбросившись из окна высокого здания, бросившись в реку, проглотив яд, перерезав себе горло...»

Но это была только одна, сравнительно умеренная форма «идеологического перевоспитания» инакомыслящей интеллигенции. Другая заключалась в демонстрациях детально разработанной технологии пыток. Исполнителям — в том числе мальчикам и девочкам — давались наглядные уроки садизма. Автор приводит свидетельство одного из них, ученика средней школы в городе Амое на юге страны, которого вместе с его товарищами наравили на группу в 40—50 ни в чем не повинных учителей: «Учителей заставляли глотать экскременты, насекомых, их пытали электрическим током, ставили коленями на битое стекло, подвешивали со связанными руками и ногами в позе «самолета» и т. д.» Командира одного из подразделений ВВС подвергли более 20 видам пыток.

Ссылка, голод, истязания, казнь — такковы были физические способы «промыывания мозгов». Все было направлено на одну цель: возбудить в людях страх и играть на этом. Главным массовым методом системы «синао» был, однако, все-таки не физический террор.

Маоистскую пропаганду не вели, ею в буквальном смысле слова оглушали день за днем, час за часом. Сотням миллионов людей не давали опомниться. Дело было не в том, что каждый был обязан читать газеты, слушать радио, повторявшее то же самое, приходить на доклады; это само собой. Всем в то же время действовали на нервы, и если кто-то не развинчивался, не терял власти над своим рассудком, ему приходилось плохо. Сокрушение нормального человеческого разума и было

главнейшей задачей «синао», нечто, до чего в свое время не додумался даже Гейббельс.

Можно утверждать, что людям вообще не позволяли думать самим. Делалось это по-разному. Самый простой способ состоял в том, что им не оставляли для этого времени — и тишины. Вот свидетельство индийского ученого Шрипати Чандра-секхара, посетившего Китай еще до «культурной революции»: «Даже в самых глухих селениях я видел громкоговорители на верхушках деревьев. Можно спрятаться от луны и от солнца, но не от громкоговорителя... Человек не имеет ни минуты покоя, когда бы он мог отдохнуть или поразмыслить над своей новой жизнью».

Во время «культурной революции» жителей китайских городов нередко будил среди ночи шум гонгов и барабанов, сопровождавшийся громкими голосами, возвещавшими «новейшие указания» председателя Мао. Собрания часто продолжались с перерывами по многу дней подряд, становясь подлинным бедствием для населения. Правда, некоторые научились засыпать на них с открытыми глазами. Один бежавший за рубеж китайский студент сообщил: «Когда нам дают хоть какую-нибудь свободу выбора, то первое, что мы выбираем — это свобода молчания».

Как много говорят эти слова!

Человеку не только навязывают политические «идеи» маоистов. Ему въедаются в душу. Этому, например, служили так и называвшиеся «беседы по душам». Приглашенный на такую беседу не мог не прийти, не мог не отвечать на поставленные ему вопросы, касавшиеся чего угодно. В результате нервная система многих приглашенных сдавала и без попыток и они опять-таки соглашались на все, лишь бы от них отвязались.

Ту же цель преследовал метод создания «красных пар». К «малосознательному» человеку прикреплялась некая проверенная маоистская личность. Такие двое становились на долгое время неразлучными: вместе работали, вместе отдыхали, вместе присутствовали на мероприятиях. Можно назвать это системой политических сямских близнецов, и что это значит на практике, нетрудно себе представить.

Студентам, которых особенно боялись и боятся, также вменялось в обязанность регулярно (каждый месяц, каждый год) писать многостраничные «самоанализы», рассказывая о своих мыслях, поступках,

«ошибках». Такие «самоанализы» зачитывались на собраниях студенческой группы, служили предметами «критики» и сдавались на хранение — уже на случай заведения дела.

Маоисты даже не скрывали, что практиковали психический террор. «Наша работа, — писала в сентябре 1966 года «Женьминь жибао», — подчинена тысячам правил, которые в конечном счете можно свести к одной фразе: с помощью идей Мао Цзэдуна преобразить душу человека...»

Да, ее во многих случаях преображали. Но во что? Прежде всего в душу труса, лицемера, хулигана и убийцы. Такие и нужны были «промывавшимся»: подобных лиц нетрудно подчинить.

М. Степанов приводит слова пекинской хунвэйбинки Чжэнь Чанхуа, посланной с ее отрядом в город Тяньцзинь: «Я за два дня убила двоих. Когда проходит день и мы никого не убиваем, у нас руки чешутся».

Людьми не позволяли следовать самым элементарным, общечеловеческим нормам морали. Были случаи, когда дети не моргнув глазом предавали своих родителей. Их же учили площадной брани (называть подвергавшихся избиениям и казням людей «кучей собачьего дерма» и т. д.). Человек, с успехом прошедший через школу «промывания мозгов», привыкал совершать зверские поступки, клеветать, лгать, льстить начальству и хором кричать «ваньсуй!». Автор называет служение культу Мао политическим молитвословием. Так дело и обстояло. Недаром на многих портретах «кормчего» вокруг его головы изображался нимб.

«На человека, — пишет М. Степанов, — оказывается постоянное и очень сильное давление. Многих это лишает возможности задуматься над тем, что происходит с ними самими, вокруг них. Такие люди словно щепки плывут по течению». Это верно, и такое плавание еще не самый худший результат «промывания мозгов».

К чему же в конечном счете сводится система «синао»? Ответ ясен: к прогрессирующему разрушению или деформации личности. Человек перестает быть самим собой. «Убьем свое я!» — говорилось в одной из хунвэйбинских листовок. «Нам не нужны мозги, если у нас есть идеи Мао Цзэдуна» — утверждалось в другой. Это точное определение того, чего хотели до-

биться маоисты. Речь шла — и в какой-то мере еще идет — о насильственном превращении человека в полумеханизированное существо, в живого робота, управляемого из каких-то центров.

Автор цитирует слова француза Мориса Сиантара в его книге «1000 дней в Пекине» по поводу воспитанной маоистами молодежи: «Эта травмированная с ясельного возраста молодежь... не виновата: она продукт чудовищного воспитания. Маоистское воспитание, методически подготавливающее отчуждение от своего «я», от собственной личности, — это психическое убийство сродни гитлеровскому крематорию».

Не следует забывать, что такое «воспитание» продолжалось годами. И в то же время ему по необходимости сопутствовало нечто другое. У китайцев отнималось все, что могло укрепить и действительно развить их личность, противодействуя «синао»: настоящая культура, настоящая литература, настоящее искусство. Лишенный этого, человек как бы обезоруживался. Разгонялись творческие союзы, закрывались издательства, музеи, библиотеки, осквернялись памятники национальной и мировой культуры, жглись китайские и иностранные книги, дискредитировалась творческая интеллигенция. Одно вытекало из другого. Отсюда поражавшая многих иностранных наблюдателей маоистская анафема, провозглашавшаяся таким классиком мирового искусства, как Шекспир, Данте, Лев Толстой, Бетховен, Моцарт, Леонардо да Винчи, Рембрандт, десяткам других. Все они мешали «синао» и подвергались проклятию.

«Победившему пролетариату, — писала «Женьминь жибао» в начале «культурной революции», — не нужны профессиональные писатели, артисты, композиторы и художники. Ему нужны наполовину писатели — наполовину рабочие, наполовину артисты — наполовину солдаты, наполовину художники — наполовину крестьяне». Читалось, что людей вообще надо освободить от балласта «лишних мыслей» — от всего, чего нет в красных книжечках с изречениями Мао. В результате должен был родиться тот «человек с чертами домашнего животного», о котором когда-то, атакуя конфуцианство, писал известный китайский писатель Лу Синь.

Кто придумал систему «синао»? Ведь

едва ли это дело только Кан Шэна и Мао Цзэдуна.

На этот вопрос в книге М. Степанова ответа нет. Но интересно, что он связывает ее с наследием китайских феодалов. Автор считает «синао» подновленным вариантом старой имперской политики «юньминь чжэнцзе» («политики одурманивания народа»). Я думаю, он прав. Многое и в идеологии и в политике маоистов чрезвычайно близко к идеям богдыханов и мандаринов.

Встает вопрос: покончено ли с системой «синао» после смерти Мао Цзэдуна и расправы с его старым окружением? Наиболее грубые, откровенно изуверские приемы, практиковавшиеся в период «культурной революции», как будто отменены или смягчены. Но дух системы психического, а возможно, и физического террора явно жив по сей день. Кто поручится за то, что при каком-то новом обострении фракционной борьбы в маоистской верхушке победоносная группа не вернется к методам «культурной революции»?

Народ в Китае и теперь подвергается непрерывному действию машины автоматизации и дегуманизации человека. На это указывают новейшие высказывания китайской прессы. «Мы должны разоблачить сотрясателей, потрясти их самих, используя для этого шоковую терапию», — писала в прошлом году газета «Цзэфанцзунь», говоря о противниках нынешнего пекинского руководства. «Шоковая терапия» — это, по существу, и есть один из вариантов того же «синао».

Книга М. Степанова написана хорошо, свежим, ярким языком и содержит ценный документальный материал. Автор не только информирует читателей, он ставит перед ними важные вопросы, побуждая к самостоятельному мышлению. А это главное.

В его книге важно и другое. Он подчеркивает, что было бы ошибочно недооценивать возможности маоистской пропаганды. И он столь же прав, отмечая, что переоценивать ее результаты тоже не следует. «У нее, — пишет автор, — есть ахиллесова пята. Все ухищрения пропаганды не могут заставить народ потерять накопленный прежде практический опыт, здравый смысл, полностью изолировать его от передовых идей нашего времени. Ядовитый туман пропаганды не может застлать людям глаза до такой степени, что они пере-

станут видеть пропасть между внушаемыми им иллюзиями и действительностью... Он (человек.— Э. Г.) испытывает душевный голод и начинает искать новые ценности».

И фашисты и маоисты создали свои школы «промыывания мозгов». Сравнивая ту и другую, нельзя не прийти к выводу, что в этом деле маоисты превзошли на-

цистов. В калечении человеческих душ под видом пропаганды они пошли дальше, чем те. Известно, что пекинские идеологи изучали переведенные для них на китайский язык сочинения Геббельса. Нельзя исключить, что современные фашисты с таким же рвением изучают теперь дела и высказывания маоистов.

Эрнст ГЕНРИ.

ХИРУРГ О ДЕТЯХ

Станислав Долецкий. Мысли в пути. М. «Советская Россия». 1977. 703 стр.

... — **З**дорово! Как дела? Вопрос и ободряющая улыбка обращены к моему десятилетнему Андрею. У него аппендицит, но оперировать не хотят. Ждут sacramentalного третьего приступа... А вдруг он случится летом, далеко от дома, что тогда? Знакомый врач посоветовал обратиться к профессору Долецкому. И вот, умножив число мам и пап, осаждающих известного хирурга, мы в Русаковской больнице.

Все происходит удивительно быстро. Осмотрев мальчика и не дожидаясь моих просьб и объяснений, Станислав Яковлевич говорит:

— Аппендицит. Надо резать. Завтра я уезжаю в Киев на десять дней. За это время сделайте все анализы, получите справки...

В день операции еще один осмотр, серьезно заданный вопрос:

— Трусишь? Нет? Молодец!

Затем, сидя в углу кабинета, я наблюдаю ритуал переодевания профессора. Он разрешает мне дожидаться результата, кивнув на ходу:

— Смотрите на часы. Через тридцать минут загляну. Тряситесь сколько влезет, но не более трех сигарет, а то и за день не выветришь!

Я действительно трясусь, но не тридцать минут, а только двадцать семь. В двери появляется голова Станислава Яковлевича, глаза над маской весело блестят.

— Ваше счастье. Вовремя сделали. Через пару месяцев была бы беда...

Вечером мне разрешили навестить сына и погулять с ним по коридору, а на следующий день... забрать домой! Я пришла

в ужас и побежала звонить профессору, выяснять недоразумение.

— Все правильно,— ответил он,— забейте. Надо свести до минимума пребывание ребенка в больнице. А мы ему больше не нужны.

Курьезный разговор ждал меня у районного врача, когда я пришла за бюллетенем по уходу.

— Мамаша, не морочьте мне голову. Через два дня после операции не выпишывают. И не тычьте мне ваши справки...

Пришлось идти к заведующей, просить врача осмотреть шов. Узнав, что оперировал Долецкий, заведующая смягчилась:

— Он зря детей не держит. Его по черк...

Я не случайно остановилась на довольно давних личных впечатлениях от встреч с профессором С. Долецким. Одна из главных мыслей книги заключается именно в том, что, заботясь о физическом здоровье ребенка, врач не должен забывать о тяжком психологическом воздействии на него новой, непривычной обстановки, разлуки с домом и родителями, страданий окружающих детей.

Весь врачебный и нравственный опыт автора привел его к выводу о том, что ребенок не должен «присутствовать на своей операции». Поэтому не только хирургические вмешательства, но и многие неприятные обследования он рекомендует делать под общим наркозом. «Не могу смотреть, когда кому-нибудь больно»,— говорит хирург. В этой фразе огромная доброта («...недоброму человеку с детьми работать нельзя»), гуманность профессиональной позиции С. Долецкого: любить и щадить

Цена 70 коп.

70636